

ОТЕЦ

Сначала — мать, а он — через полгода.
Судьбы-злодейки твердая рука
Звено живое вырвала из рода:
Был потолок — и нету потолка...

Он был мужик по плоти и по крови.
И возле гроба, млея от тоски,
Орлинно сдвинув выцветшие брови,
Молчали сиротливо старики.

Он ничего не мастерил от скуки
И с жизнью вечно состоял в паях.
Молва ходила — “золотые руки”,
А злато — головешки в мозолях.

Одни припомнят — ладно скроил печку,
Другие — чинно починил заплот,
Обделал чудным кружевом крылечко.
Теперь вот умер. Умер, а живет.

Гляжу в проем необжитой могилы,
Бросаю горсть холодного песка
И чувствую, как надорвались силы:
Был потолок — и нету потолка.

1982

УШЛИ В ГОСТИ

Он лает, он плачет, он стонет,
Скребется в дощатую дверь.
Оставили пса на балконе,
Как будто не пес он, а зверь.

А полночь — минусов сорок!
И хоть ты скули, ни скули,
А люди вернутся не скоро:
С ночевкою в гости ушли.

Как был он, как был он, бедняга!
Я мимо тогда проходил,
Хозяина клял: “Вот собака!
Уж лучше бы сразу убил!”

1987

БОГАТЫРЬ

Руки разбросав и вдаль и вширь,
Ветерку подставив щеки-сливы,
Спит земли российской богатырь
И во сне цветные видит дива...

Вот на вешку вспрыгнул петушок,
Желтоклювый, шпоры у колена,
Кукарекнул, вздернул гребешок
И запел, запел самозабвенно.

Проурчал над рыбиною кот,
Пес цепной восторженно пролаял...
Богатырь зевнул, сглотнул и вот
Приподнялся, местность озирая.

И давай кричать, просить “сисю”.
Он вчера, на плешь написав деду,
Улыбался, озорной, вовсю,
Словно этим праздновал победу.

Бабка от внучонка без ума,
По квартире носится, как авто.
Он сегодня всхлипывает “ма”,
Чтобы поораторствовать завтра.

Ползунки замучились стирать,
Жить уже спокойно не придется.
По ночам не досыпает мать
И уже как прежде не смеется.

Погрустнел студентишка-отец,
На жену косит ревнивым взглядом.
Отощал и одичал вконец,
Видно, ей его уже не надо.

Богатырь в нирване у груди,
Зыркает налево и направо.
Ждет его на жизненном пути
Где-то богатырская застава.

1993

МОХ

Он мягок, сочен, нежен, зелен.
Он здесь не годы, а века
Лежит, природою постелен,
На голых каменных щеках.

Когда натерла ноша плечи
И ноги дальше не идут,
Когда дышать мне больше нечем,
Ложусь и отдыхаю тут...

И снова мну его ногами,
Спеша достичь альпийских трав,
Но разбиваю в кровь о камни
Лодыжку, в пустоту попав.

До облаков подать рукою,
Глазами вымерен маршрут...
Я душу, может, успокою,
Когда не я — меня найдут.

Найдут на этом мягком ложе
Не там внизу, а в облаках,
Где мне лежать, увы, похоже
С зажатым месяцем в руках.

1984